

Когда-то Пётр Первый настаивал на том, что Россия – не просто государство, но, подобно Азии, Европе или Америке, часть света. А двумя столетиями позже другой государственный муж – Сергей Витте произвёл – уж не знаю, по какой методике – подсчёты и по его выкладкам получилось, что со времен Ивана Грозного Российская империя ежедневно расширялась на 64 квадратных версты. К началу XXI столетия пространства России в сравнении с дореволюционными её границами заметно поубавились, однако она все равно остается во многих отношениях страной больших масштабов.

География для России – и впрямь наука государственной значимости. Ведь если говорим «страна», имеем в виду прежде всего не столько народ, население, культуру, сколько именно место. Территорию. Зону на карте. Живущим в России, глядящим на Россию есть на что посмотреть.

Пространства в Отечестве и сегодня так много, что оно постоянно спорит со временем, поглощает его. Помните Некрасова: «В столицах шум, гремят витии, / Кипит словесная война, / А там, во глубине России, / Там вековая тишина». А в поздней эссеистике Андрея Битова встретился такой пассаж: «Если человек изобрел тюрьму, чтобы заменить пространство временем, то в России время заменено пространством».

Россия – разновременная страна. В буквальном и переносном смыслах. У нас 11 часовых поясов. Во всей Европе – три. Мы восхищены и поработаны территорией. Это наше счастье: завоеватели в прежние времена буквально терялись в этих бесконечностях, да и богатств на этой бескрайности и в её недрах меряно-немеряно. Но это и вечная наша проблема: как нам с этой территорией сладить, как нам обустроить её, эту бескрайность?

И в литературном отношении Россия – это тоже страна больших масштабов. Какими свершениями мы можем гордиться? Главным вкладом в мировую победу над фашизмом, полётом Гагарина и нашими литературными классиками. Толстой, Достоевский, Чехов – в сокровищнице человечества эти имена рядом с Шекспиром и Гете. Масштабнее – нет.

Но – как и в случае с территориальным размахом – наша классика задает и масштабность спроса. Есть на кого равняться. Есть с кем сравнивать. Причем посмотрите, как себя

позиционировали многие местности: Ростов Великий, Новгород Великий, Пермь Великая – это же не просто претенциозные топонимы. И живём мы в культуре Великого Толстого, Великого Пушкина, Великого Чехова. Это обязывает.

Литература, понятно, не признает координат локальные национальных. И Андрей Платонов, откликаясь на сборник стихов, вышедший в одном из периферийных издательств, резонно подчеркивал, что каждая область может обеспечивать себя картофелем и прочими овощами, но не нуждается в «областных» прозаиках и поэтах. Отечественная словесность – явление целостное и единое. В ней нет сибирских, уральских, поволжских и прочих автономий. И в то же время, поскольку российские регионы столь вариативны по своим природным, климатическим, этническим, культурным и экономическим условиям, мы, говоря о российской литературе, с неизбежностью ведем речь о единстве многообразия.

Русское в художественной словесности исторически складывалось именно из московского, питерского, смоленского, уральского, донского. Этот баланс разноречия обусловлен, с одной стороны, единым литературным языком, национальными традициями, общегосударственными ценностями и приоритетами, а с другой стороны – отчётливыми особенностями географического положения, местного диалекта, быта, хозяйственного уклада, что и позволяет говорить о региональном самосознании.

Есть много России в России,

В России несхожих России, –

такой, кажущейся тавтологической, констатацией А. Солженицын начал одно из лагерных стихотворений. Фольклористам известна характеристика индейского племени наваху, которое было настолько бедным, что не имело ни одной песни. Наше Отечество песнями богато. Мы богаты целыми литературами. Причем в нашем разноплеменном культурном пространстве богаты не только литературами национальными. Словосочетания «литература Сибири», «литература Урала», «Литература тюменского Севера» столь же привычны в литературоведческом и критическом обиходе, как и формулы «Русская литература XVIII века» или «Литература русского Парижа».

Но эта привычность – исторически недавняя. Ей и двух веков нет, тогда как русская словесность свою биографию исчисляет тысячелетием и при этом до середины века XIX говорить о региональных вариантах поводов не давала.

В ту пору могло показаться, будто за пределами российских столиц, как и вообще в русской провинции, нет примечательных литературных явлений, поскольку нет, по словам М. Салтыкова-Щедрина, «главного условия, которое необходимо для жизни деятельной и полагающей почин, – нет самосознания». Характерная для России «власть шири» (Н. Бердяев) обернулась в истории страны жесточайшим централизмом во всех сферах жизни, в том числе и в литературе. Провинция на Руси издавна воспринималась как источник, из которого можно и нужно черпать деньги, товары, природные и людские ресурсы. Не удивительно, что в столицах (одной для бескрайнего нашего Отечества всегда было

мало) и концентрировались практически все литературные силы: там жили писатели и критики, там были журнальные редакции и книжные издательства.

Не зря же молодого М. Горького наставлял Чехов: «Литератору нельзя безнаказанно проживать в провинции... Естественное... состояние литератора – это всегда держаться близко к литературным сферам, жить возле пишущих, дышать литературой. Не боритесь с естеством, покоритесь раз навсегда – и переезжайте в Петербург». Реальной была ситуация, если воспользоваться образом из давней статьи Апполона Григорьева «Москва и Петербург», гипертрофии сердца и головы за счёт дистрофии остального тела.

Поэтому понятна гордость Д.Н. Мамина-Сибиряка (1852 – 1912), утверждавшего, что именно он открыл для русской культуры целый край, называющийся Уралом, и подтвердившего данные слова «Уральскими рассказами» и «уральскими романами» («Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Три конца»). Познакомившись с ними, Чехов написал, имея в виду их героев: «Там, на Урале, должно быть, все такие: сколько бы их ни толкли в ступе, а они всё – зерно, а не мука. Когда, читая его книги, попадаешь в общество этих крепышей, – сильных, цепких, устойчивых чернозёмных людей, то как-то весело становится...».

Показательна в частности, оговорка Мамина в одном из очерков: «Урал, как и вся Сибирь...». Иными словами, ещё полтора столетия назад Урал воспринимался как начальная часть сибирской шири и лишь позднее стал осознаться — во многом благодаря именно сочинениям Мамина – как отличное от других российских регионов место. (Можно в этой связи сказать и так: если Петербург для России, по Пушкину, – окно в Европу, то Екатеринбург – это дверь из Европы в Азию и из Азии в Европу).

М. Горький в поздравительной телеграмме к 75-летию Д.Н. Мамина-Сибиряка (октябрь 1912 г.) имел право написать: «Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом – это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открыв целую область русской жизни, до Вас неизвестную нам. Земле родной есть за что благодарить Вас, друг и учитель наш».

Конечно, литературный дар Мамина, ставшего Сибиряком, был не столь внушителен, как у его великих современников – Льва Толстого, Федора Достоевского или того же Чехова. Но его талант счастливо соединял «человековедческие» способности с трезвостью социолога. Не потому ли именно в творчестве нашего земляка укреплявший тогда свои позиции российский капитализм получил сколь разностороннее, столь и выразительно-взыскательное истолкование. И, конечно же, правы нынешние публицисты и критики, когда полагают, что в современной России книги Мамина-Сибиряка актуальны не менее, чем в пору своего выхода.

Не забудем и ещё одно писательское имя – Федор Михайлович Решетников (1841–1871). В полной мере к самому этому автору можно отнести то, что он сказал об одном из униженных обстоятельствами своих персонажей: «Родился человек для горе-горькой жизни, весь век тащил на себе это горе, оно и сразило его. Вся жизнь его была в том, что

он старался найти себе что-то лучшее...». Именно этому писателю, однажды прозрачно сформулировавшему: «Богатому человеку везде хорошо, а бедному везде плохо», – по убеждению М.Е. Салтыкова-Щедрина, «бесспорно первому принадлежит честь открытия драмы в жизни русского мужика. Эта драма очень большая и называется борьбой за существование». Уроженец Екатеринбурга своей прозой, верной традициям «натуральной школы» (повести «Горнозаводские люди» и «Подлиповцы», романы «Свой хлеб» и «Где лучше?»), предвосхитил ряд черт, характерных в дальнейшем для творческой практики уральских реалистов.

Опыт существования «на миру», интерес к жизневосприятию не столько индивидуальному, сколько распространенному в силу его обыденности, и, соответственно, к носителям и выразителям этой «роевой» психологии – людям, что называется, рядовым, вписывающимся в ту или иную среду без «именного» остатка, осознание важности трудового фактора в судьбе человека, трезво-взыскательное отношение автора к персонажам, какое бы сословие они ни представляли, чуткий «этнослух» – эти особенности, сближающие страницы Решетникова и Мамина-Сибиряка, дадут о себе знать во многих книгах «уральского» происхождения, в следующем веке и новых исторических обстоятельствах созданных на земле, соединяющей (как и всякая граница) отечественную Европу и отечественную Азию.

По мере развития в стране газетно-журнального дела, книгоиздания и книготорговли, а также постепенного (в дооктябрьскую пору), а затем и стремительного (в 1920–1930-е гг.) изживания массовой неграмотности литературная жизнь стала – при сохранении центростремительного вектора – прорастать сквозь вековую тишину (вспомним некравские строки) и во глубине России.

Конечно, почти все из опубликовавшегося в эти десятилетия в литературных рубриках областных изданий едва ли правомерно считать собственно литературой. На первых порах таковую замещала, скорее, литературная активность. В кружках и объединениях обсуждались рукописи их участников, знакомились с азами версификации, происходили встречи с посетившими Урал именитыми авторами (так, в 1928 году во время трёхдневного пребывания Маяковского в Свердловске поэт встретился с рабкорами города и членами литературной группы при газете «На смену!»). И то, что получало доступ к печатному станку, было, как правило, местной литературной самодеятельностью. Особенно бурно подобное любительство заявило о себе на Урале, как, впрочем, и в других регионах страны, на рубеже 1920 – 30-х гг. Российские окраины переставали считать себя захолустьем, и созидательное движение времени здесь проступало с большей очевидностью, нежели в центре.

Для нас несомненна утопичность тогдашних упований на то, что зримая трансформация государственных, экономических и идеологических основ жизни обернется коренным преобразованием человеческой природы, и на роль литературы и искусства в этих глобальных проектах. Столь же очевидно ныне, какими трагедиями сопровождалось масштабное и безоглядное стремление приблизить «даль социализма». Но поэт не лукавил,

когда, характеризуя атмосферу первых пятилеток, утверждал: «...не знала / Вселенная от века никогда / такой великой жажды идеала» (Е. Винокуров).

Конъюнктурных сочинений, какая б ни была эпоха, в печати всегда избыток. Оставляя таковые «за кадром», подчеркнем, однако, что многие из тогдашних публикаций, славивших социалистическую новь, подписаны ли они известными всей стране именами или же помечены фамилиями, не знакомыми даже историкам литературы, возникли не под диктовку извне, а по искренней личной потребности авторов. И, сознавая, что литература тех лет – особенно если судить по тогдашним изданиям – не сказала многое из того, о чем поведали публикации перестроечной поры, согласимся, тем не менее, с тем, что и без запечатлевшегося в советских публикациях той поры. Эти десятилетия не представить и не понять.

Масштабность выдвинутых эпохой планов поражала и воодушевляла тем более, чем зримее становились и свершения. Вспомним признание персонажа одного из рассказов А. Платонова: «Работа большая, а мы её делать будем и сами из маленьких большими сделаемся». И, пожалуй, не был фальшивым пафос слов Николая Куштума, произнесенных в 1934 году с трибуны Первого Всесоюзного съезда советских писателей: «Нам, уральцам, нет надобности выдумывать темы для стихов. Лучше того, что есть в нашей жизни, не выдумаешь. На Урале происходят героические события, которыми пронизано всякое, даже самое маленькое, будничное, на первый взгляд, дело...»

И здесь уместно сказать вот о чем. Русская литература дооктябрьской поры, осмысляя и в вершинных явлениях, и в тех, что не стали классикой, многообразные связи человека с обществом, показала напряжение духовных исканий личности и выявила насущность многих экзистенциальных проблем. Не пренебрегая этим содержательным опытом, словесность советских лет особое внимание уделила роли труда, благодаря которому многое изменялось и в действительности, и, хотелось тогда верить, в самом человеке.

Труд как ценностное мерило личности, мастерство как показатель самореализации индивида в любых социальных обстоятельствах – этот смысловой акцент особенно примечателен для литературных реалий, возникших на Урале в XX веке, будь то создания таких мастеров, как Павел Бажов или Борис Ручьев, будь то строки скромных работников литературного цеха вроде Михаила Пилипенко, автора стихов всем памятной «Уральской рябинушки», или Людмилы Татьяничевой (помните: «Когда говорят о России, / Я вижу свой синий Урал...»).

Литературный процесс второй половины XX века подтвердил правоту строк классика: «Пиджак Москвы для России узок» (В. Маяковский). И ежели центр долгое время смотрел на литературу, создаваемую в областях и всяях, как, по остроумному наблюдению, Онегин на Татьяну в первых главах пушкинского романа, то, начиная с «оттепельной» поры, характер отношений стал заметно меняться.

Спросим себя, кого до середины минувшего столетия знали в России из числа тех литераторов, что работали в XX веке не в окрестностях Кремля и не на берегах Невы? Того же автора «Малахитовой шкатулки» да станичника Виталия Закруткина с его «Матерью

человеческой» (о Шолохове – разговор особый: свою Вешенскую он сделал донским филиалом столицей). А в последующие десятилетия всеозоно известными стали А. Вампилов и В. Распутин из Иркутска, В. Астафьев и М. Тарковский из Красноярского края, уральцы В. Крапивин и Н. Коляда, воронежец Г. Троепольский, Е. Носов из Курска, Н. Рубцов и В. Белов из Вологды, В. Лихоносов из Краснодара, В. Курбатов из Пскова... Ограничу перечень этой дюжиной, сознавая его пестроту и возможность удвоения.

Но не секрет ведь, что российскую, а то и больше известность этим мастерам принесли опять-таки столичные публикации их произведений или об их произведениях. Вот почему понятна мольба омича Аркадия Кутилова: «Приласкай ты, столица, Пирата,/ Хоть разок, хоть, разок, хоть разок...», или надежда моей землячки Л. Ладейщиковой: «Хочу, чтоб столица открыла/ На дальние дали глаза». Вспомним по этому поводу драматизм литературных судеб Николая Никонова и Алексея Решетова. Обратной стороной такого невнимания бывает провинциальная спесь, и тогда не лишенный способностей стихотворец может с прискорбной горделивостью заметить: «Я – поэт провинциальный, / Я – поэт принципиальный, / Не сменяю я Челябинск на какую-то Москву» (С. Семянников). Заслуживает в этой связи размышление драматурга Н. Коляды о Федоре Решетникове: «Одна из причин его «забытости» заключается в том, что у нас большая страна, у нас всего много...»

Повторяю, этот аспект скольких существ, столь и драматичен для творческого самочувствия и поведения многих литераторов, живущих в провинции. Региональной литературы не бывает, но бывают, как тот же Николай Никонов, региональные классики. Если бросить взгляд на восток, в сторону Тюмени, такими знаковыми фигурами видятся прозаик Константин Лагунов, драматург Зот Тоболкин, поэты Пётр Суханов и Николай Шамсутдинов, документалист Анатолий Омельчук. Курган по праву гордится Виктором Потаниным, Челябинск – Ниной Ягодинцевой и Николаем Годиной. Их книги – это честная литература, свидетельствующая не только о свойствах и масштабе дара его обладателя, но и о том, что регион обладает несомненным культурным потенциалом и что не только в столицах, но и за МКАДом происходит насыщенная творческая жизнь.

И потому крайне важна роль критики и литературоведения того или иного региона. Осмысление специфики и роли регионального фактора в русской литературной реальности, занимала и продолжает занимать многих многих гуманитариев. И отродно, что проблемы, некогда мучившие таких «сибирских областников», как Г. Потанин и Н. Ядринцев, и таких профессионалов, как Н. Пиксанов и Н. Анциферов, стали заботой литературоведов и критиков нового времени. Это А. Казаркин в Томске, Н. Рогачева, Е. Эртнер, С. Комаров – в Тюмени, В. Лукьянин, В. Блажес, Е. Созина, О. Зырянов – в Екатеринбурге, В. и М. Абашевы в Перми... Их труды последних десятилетий и особенно последних лет (в частности, выделю уже вышедшие два тома академической «Истории литературы Урала» и ранее изданную «Бажовскую энциклопедию») позволяют надеяться на то, что карта истории и дня текущего отечественной словесности перестает быть контурной.